

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Императорское Православное Палестинское Общество

**ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК**

**ВЫПУСК
32 (95)**

Санкт-Петербург
Издательство "Прас-Атра"
1993

**ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ
(ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ ПАЛЕСТИНЫ)**

Историко-биографическая справка об авторе.

Георгий Михайлович Добролюбов (1878—1955 гг.), будучи моряком, капитаном фрегата российского Императорского флота, находясь в отпуске, по совету патриарха Дамианоса, с которым он познакомился на пароходе «Евфрат» в Хайфе, в 1913 г. совершает двухнедельное путешествие по святым местам в Палестине. Результатом его явился данный труд, названный им скромно «Путевые заметки», получивший высокую оценку патриарха Иерусалимского Дамианоса, который наградил автора своею «патриаршью грамотою».

Несколько слов о нем. Г. М. Добролюбов имел высшее морское образование: окончил Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге и получил офицерский чин. В дни русско-японской войны был командирован на Дальний Восток и назначен на морской транспорт «Амур», устанавливал мины у Талеванской бухты. Проходил дальнейшую службу в Севастополе, имел чин капитана I ранга. События Октября 1917 г. делают пребывание в России невозможным, и он, получив в июне 1920 г. разрешение командования, оформляет загранпаспорт для следования в Сербию и Чехословакию. Впоследствии попадает в парижскую русскую эмиграцию. В сентябре 1925 г. в церкви св. Троицы повенчался с православной русской, вдовой расстрелянного большевика поляка, отца Людмилы Фронскевич, ставшей его падчерицей и духовной наследницей. В переданных мне ею «Путевых заметках» о посещении святых мест в Палестине, написанных моим дядей по матери, урожденной Добролюбовой Ириной Михайловной — Святловской, не только личные впечатления русского моряка. Думается, что ценность их определяется и незаурядным духовным и историко-этнографическим кругозором автора. Он сотрудничал с редакцией газеты «Русская мысль» в Париже, здесь были опубликованы его статьи «О Византии», «О Новом Афоне» и др.

Высокий духовный потенциал в соединении со знанием библейской истории и завидной наблюдательностью позволили Г. М. Добролюбову за время его путешествия по Палестине не только увидеть около 150 памятников и реалий, но и ярко описать их своеобразие, нарисовать живые картины палестинского быта.

Общественные заслуги Г. М. Добролюбова во Франции были отмечены в 1954 г. орденом Почетного Легиона. Он переписывался с нами, надеясь на перемены и возвращение в Россию, но дожить до наших дней было не суждено.

8 февраля 1993 г. Глеб Святловский.

К вечеру, перед самым заходом солнца, пароход «Евфрат» ошвартовался в Хайфе, у пристани за мысом, где он был укрыт от свежего северо-

западного ветра, задувшего еще днем. Поднявшийся на пароход наш вице-консул П. П. Секретарев, он же и агент Русского Общества, сообщает, что через час на пароход, чтобы следовать в Яффу, прибует Его Блаженство Патриарх Иерусалимский Дамианос со своим секретарем архимандритом Каллистом, протоиереем и в сопровождении архимандрита Леонида, начальника нашей Русской Православной Миссии в Палестине. Все эти духовные лица прибыли в Хайфу на пароходе еще два (слово в тексте пропущено) назад на торжество освящения законченного постройки Русского Православного Храма на горе Кармель. Сбор на эту постройку производился по всей России по инициативе архимандрита Леонида и с благословения Святейшего Синода. Недалеке от этого нашего нового храма находится католический храм и рядом с ним монастырь кармелиток. Наш вице-консул сообщил также, что им получена телеграмма из Яффы, что там свирепствует сильная буря, и что поэтому «Евфрату» придется задержаться в Хайфе дня на два или три, покада погода там не успокоится. Как известно, Яффа открыта всем ветрам, кроме восточного, пароходы там становятся на якорь на некотором расстоянии от берега, и погрузка и выгрузка товаров производится на специально приспособленных для этой цели больших шаландах. Пассажиры же с ручным багажом свозятся на больших лодках. А в дурную погоду сообщение с берегом прекращается совершенно.

Через час, около 8 часов вечера, к пристани подъехали две коляски, и на пароход поднялись Патриарх Иерусалимский Дамианос и сопровождающие его лица. Около девяти вечера капитан предложил своим высоким гостям чай в кают-кампании. Там же Патриарху были представлены и немногочисленные пассажиры парохода. Вскоре в завязавшемся разговоре выяснилось, что как сам Патриарх, так и его секретарь архимандрит Каллист прекрасно владеют русским языком, так как они оба окончили Московскую Духовную Академию. Два полных дня пассажиры, в том числе и я, провели в обществе Патриарха и его спутников. В промежутках между завтраком и обедом, а также вечером велись беседы на различные темы, играли в шашки или в трик-трак. На третий день к вечеру, когда выяснилось, что ветер утих, и что «Евфрат» сможет утром идти в Яффу, Патриарх посоветовал мне, если я имею возможность и время, съехать на берег тут же, в Хайфе, а после ее осмотра проехать в Назарет, побывать затем в Тивериаде у Генисаретского озера, а потом спуститься по долине Иордана, мимо горы Фавор, к Иерусалиму. По приезде же в Иерусалим непременно его посетить.

Я взял его совету и на следующий день утром с двумя пассажирами, тоже выразившими жела-

ной. Посреди дворика — маленькая католическая часовня. Это то место, где находилась мастерская и где Иисус Христос учился плотничьему мастерству под наблюдением св. Иосифа. Недалеке от домика Богородицы, в 40—50 саженях, на небольшой площадке находится колодец Богоматери, или, как его называют местные жители, фонтан Марии. Это невысокое, длиной около 8 метров, здание с покатой в обе стороны каменной крышей и со стенами не больше двух саженей высотой, сложенное из небольших квадратных камней. Вход под аркой лишь со стороны площадки. Внутри небольшой бассейн со свежей ключевой водой. Водой из этого колодца паломники промывают себе глаза и мочат голову. Это единственный в Назарете колодец. По преданию, не только Богоматерь, но позже и сам Иисус Христос, а также св. Иосиф брали из него воду. Вот к этому-то колодцу, который как будто сохранил своим внешним видом всю свежесть ощущения прошедших веков, — именно сюда и утром, и днем, и вечером приходила Богоматерь, сопровождаемая крошкой-мальчиком, семенившим своими ноженьками и едва за Ней поспевающим, приходила со своей амфорой из обожженной глины, чтобы наполнить ее студеной ключевой водой.

Мы по совету сопровождающего нас монаха задержались у колодца, чтобы увидеть эту запоминающуюся картину прихода за священной водой. Тут были и паломники, и местные жители с амфорами на плече: с обожженным благоговением идут они сюда. Наполнив водой амфору, женщина Назарета красивым жестом вскидывает ее на голову или плечо. Отходит от колодца, придерживая амфору правой рукой, левая же остается согнутой на бедре. И в таком положении, слегка покачиваясь, она с амфорой взятой воды грациозно удаляется. Это было на редкость красивое, живописное зрелище, в особенности под вечер, когда со всех сторон по узким пологим улочкам спускаются сюда жители Назарета. Мы видели здесь людей различных национальностей и вероисповеданий, но в каждом, хотя и отличным по внешнему облику и по одежде, было одно общее — благоговение к Святыне источника. И все же иногда вспыхивает национальная вражда. Нередко у колодца происходят драки. Вероятно поэтому здесь всегда стоят несколько турецких полицейских.

Назарет больше всего сохранил из глубины веков исходящий особый колорит христиан, если можно так выразиться, глубоко духовный, наполняющий нас благоговением аромат жизни Святого Семейства. Вот поэтому-то весь в целом Назарет волнуется больше всего.

Вечер мы провели в обществе очень многого человека, заведующего Учительской семинарией, его жены, а также заведующего домом паломников.

На следующий день утром мы покидаем Назарет, направляясь к Генисаретскому озеру, к городу Тивериада, расположенному на самом берегу озера. До Тивериады 25 километров. Через час-полтора мы проезжаем небольшое село

Кафф Кенна или Кана, где, по преданию, Иисус Христос во время свадьбы претворил воду в вино. Здесь французская школа для детей обоих полов и греческая школа для мальчиков. Видели развалины древней синагоги, построенной на месте, где происходила свадьба в Кане Галилейской. Рядом, в небольшой греческой церкви, хранятся глиняные кувшины (якобы еще тех времен), в которых вода была претворена в вино. Здесь, при выходе, мы были вмиг окружены шумной толпой грязных, в лохмотьях арабчат с требованием приобрести у них миниатюрные из обожженной глины амфоры, должные ступорные, по их мнению, дать представление о тех, в которых вода была претворена в вино.

После полудня мы в Тивериаде, на самом берегу Генисаретского озера. В древние времена Тивериада была столицей Галилеи, а времена Иисуса Христа были для людей временем наибольшего ее расцвета. В ней около 8000 жителей. Три четверти из них — евреи. Среди них много выходцев из Польши. Многие из них носят низкие круглые шляпы, отороченные вокруг мехом.

В библейские времена Тивериада, как и Капернаум, славилась производством туник, делаемых на ручных, с большим колесом, ткацких станках. Особенность этих туник (такую же носил и Христос) была та, что они ткались из одной непрерывной нитки, а не сшивались из нескольких тканых частей. Они обыкновенно окрашивались краской, приготовленной из ежевики.

Остановившись мы в единственной в Тивериаде небольшой гостинице на невысоком холме, с хорошим видом на озеро, где по другую его сторону белеют вершины каких-то гор. Генисаретское озеро, или, как его называют, Галилейское море, неправильной овальной формы, длиной около 20 км и шириной 10—12, а глубиной, по словам хозяина гостиницы, до 40—50 м. Это озеро тихое и спокойное, и бури на нем — явление очень редкое. По Евангелию, здесь бывал много раз Иисус Христос, здесь Он укрощал бурю, здесь, сопутствуя рыбакам, Он говорил проповеди и притчи.

При виде одномачтовых больших, белеющих на озере рыбацких лодок, имеющих вид библейских, у нас является желание сделать после завтрака небольшую прогулку под парусами. В этой прогулке нам сопутствует брат хозяина гостиницы. По его словам, в Генисаретском озере, как и в древние времена, очень много хорошей съедобной рыбы, и почти всегда улов бывает очень хорош. Но среди различных пород две, тоже съедобные, особенно интересны. Первая — это так называемая *CHROMIS SIMONIS*, точное описание которой было дано профессором-ихтиологом Лорте. Самец этой породы после оплодотворения икры носит ее в своей пасти. Когда появляются мальки, они продолжают жить в той же пасти, а выплывая на прогулку, сами потом возвращаются в эту пасть обратно. Вторая порода — *CLARIAS MACKACANTUS*, или барбур, как ее называют местные рыбаки. Эта рыба отличается от всех остальных рыб в мире. Эта рыба — говорящая. Она жалобно кричит, когда ее

ние принять участие в этом путешествии, покинул пароход.

Утро было посвящено осмотру Хайфы. Это город коммерческий. Большой порт. Есть мастерские. В нем около 25 000 жителей. Больше половины турки, а затем греки и латиняне. Побывали, конечно, на местном базаре, этом шумном, как все восточные базары, муравейнике, кишашем арабами, турками, евреями. Посетили также нашего вице-консула. Послеобеденное время было посвящено горе Кармель и осмотру нашего нового храма, католического монастыря пророка Ильи, монахи которого иногда занимаются изготовлением и продажей ароматической воды и очень хорошего эликсира. Посетили и лещеру, в которой, по преданию, жил Пророк. С колокольни нашей новой церкви на горе Кармель, по направлению на восток, видны холмы Назарета. Самого Назарета не видно. Он скрыт холмами. Справа от них недалеко гора Фавор. На севере виден город св. Иоанна Акрского и крепость того же имени, основанная крестоносцами, а на западе — ярко блещущее Средиземное море. Гора Кармель — скорее холм, не выше 500 м над уровнем моря. На протяжении около 20 км она тянется на юго-восток. Склоны ее почти весь год покрыты богатой растительностью: дубняком, дикой грушей, мицальными деревьями и в большом количестве сосной. Такая богатая растительность объясняется очень обильным выпадением росы, и в этом отношении она является редким исключением, так как в Палестине, почти повсюду, за исключением долины реки Иордан и ее притоков, чувствуется острый недостаток воды.

Вечернее время было посвящено прогулке по порту и по берегу моря, по пляжу. В порту несколько пароходов. На пляже много гуляющих. Пляж покрыт мелким, как порошок, белым прозрачным песком. Из него в древности делали стекло для светильников. На пляже мы подобрали несколько очень красивых ракушек пурпурного цвета с находящимися в них злыми, с очень острыми шипами, слизняками (*murax trunculus*). Как нам объяснили, финкийцы приготавливали из них очень ценную в те времена пурпурную краску.

Утром на следующий день мы покидаем Хайфу, направляясь в Назарет в очень комфортабельной старого типа коляске, в которой, по словам нашего вице-консула, в 1911 г. путешествовал по Палестине император Вильгельм II. Позади возка большой багажник для чемоданов и провизии. Тяга — две лошади. На козлах рядом с кучером-евреем молодой араб лет двадцати, «мурк» — проводник, служащий в нашем консульстве и говорящий немного по-русски. Возок этот до странности был похож на те, в которых странствовали наши прадеды по скверным дорогам России: Он был крепко скроен и не боялся ни ухабов, ни рытан.

От Хайфы до Назарета 38 км. Дорога не представляет большого интереса. Растительность бедная. Поля покрыты осколками скал. Изредка попадаются жалкие чахлые виноградники, много

кустов ежевики. Проезжаем ряд небольших арабских селений, две-три немецких колонии. Уже почти год под Назаретом какое-то большое село с греческой часовней и двумя школами — французской и русской. Остановившись у русской. Молодой, лет 25, русский учитель, киевлянин, с молодой женой, тоже киевлянкой, гостеприимно предлагают нам задержаться у них до следующего дня. Благодарим, объясняя, что это не входит в наши планы, так как к вечеру мы должны быть в Назарете и там провести ночь. Учитель и его жена предлагают нам присутствовать при амбулаторном приеме. Это грустное зрелище. Амбулатория окружена толпой грязных, в ломотях, арабчат, мальчиков и девочек. Их глаз почти не видно от роя мазевших на них мелких мух, которых они тешно отгоняют своими худыми ручонками. Большинство из них больны трахомой, болезнью очень распространенной в Палестине, главным образом, у арабов. Жена учителя, она же и фельдшерца, во время этого приема занимается большей частью промыванием глаз. Наделяем ребятишек леденцами, которыми мы запаслись в достаточном количестве, и двигаемся дальше. Часа через два с небольшого холма нам открывается Назарет. Он расположен в большой котловине. Это небольшой город. В нем около 15 000 жителей, из них более двух третей — мусульмане. Остальные — евреи и греки. Вид с холма радует глаз: невысокие поразительной белизны домики, окруженные зеленой цветенью. Отделяют их один от другого стены, за которыми видны огороды и сады с оливковыми и фиговыми деревьями. И в этом животворном цветенье, и в аромате цветов, и в изобилии растущих фруктов невольно чувствуешь, что обитатели Назарета процветают. Главное их занятие — земледелие, садоводство и скотоводство. Город как бы разделен на несколько кварталов по вероисповеданиям: у латиня — южная часть города с церковью Благовещения, монастырем, госпиталем и школой для мальчиков. В центре города — мечеть и мусульманские учреждения, а в северной части — греческая церковь Архангела Гавриила с монастырем и школой. Россия же представляла большую школой для детей обоих полов, учительской семинарией, госпиталем и домом для паломников. В этом последнем мы и остановились в комнатах для приезжающих.

Утром отправляемся к дому Богоматери, где, по преданию, Иисус Христос провел свое детство. Дом Богоматери находится под наблюдением католического монастыря Благовещения. Именно в этой церкви Благовещения находится часть колонны красного гранита, указывающая место, где, по преданию, было явление архангела Гавриила Приснодеве Марии. Осмотрев церковь, мы в сопровождении монаха-католика спускаемся по пологой улочке в самую низкую часть котловины, где в центре города видим небольшой одноэтажный домик, как бы вросший в землю и слегка покосившийся. Это дом Богоматери. В нем две или три комнатки с простыми столами и скамейками. Позади дома небольшой дворик, окруженный невысокой кирпичной сте-

вытаскивают в неводе на берег. Следует поэтому как будто прийти к заключению, что поговорка «нем как рыба» не всегда верна.

Окрестности озера очень живописны, много небольших городков и селений, окруженных богатой растительностью. Все его побережье усыпано небольшими рыбацкими домиками, много лодочных пристаней, и всюду большое оживление. В Тивериаде есть греческий монастырь с церковью, есть и французская церковь с госпиталем. Русских учреждений нет. После прогулки по почти совершенно спокойному озеру возвращаемся в гостиницу обедать. После обеда, перед тем как идти наверх, на отдых, хозяйни гостиницы нам передает небольшую коробочку с каким-то серого цвета порошком и советует этим порошком обильно посыпать постель и паркет вокруг нее, и что если мы этого не сделаем, то нам вряд ли удастся спокойно провести ночь. Тивериада, говорит он, известна по всей Сирии своими блохами. Арабы считают Тивериаду столицей блох и уверены, что в ней, несомненно, живет сам король блох.

На следующий день утром, проведя ночь более или менее удовлетворительно, садимся в наш экипаж и движемся к южной части озера, к тому месту, откуда река Иордан, пройдя Генисаретское озеро, продолжает свой путь на юг, к Мертвому морю. До Иерусалима еще около ста километров. Наш путь все время идет по дороге вдоль цветущей долины Иордана и сильно разнится с почти пустынной дорогой, которую мы проделали от Хайфы до Генисаретского озера. Пересекаем ряд очень многочисленных еврейских и арабских поселений и несколько мелких реченок, впадающих в Иордан. По берегам речушек много цветов: розовая и желтая горница, шалфей, мята, мак, ноготки, ежевика, много и мелкого дубняка. С правой стороны нам опять видна гора Фавор. Она не выше 500 м и имеет вид срезанного купола. На ней два монастыря: православный и католический с храмом Преображения Господня. В первом часу дня делаем остановку в каком-то большом селении, расположенном на одном из притоков Иордана. Наш экипаж вмг окружается арабчатами, требующими бакшиш. Наш араб «мурж» с козел им кричит: «та fich, та fich — нету, нету». Мы повторяем за ним эти два слова, оделяем детишек леденцами, и они нас докидают. Покупаем несколько лепешек величиной с тарелку, свежего, еще слегка теплого арабского хлеба. Он вкусен только свежим, но подкрепляется им и очень вкусной сушеной рыбой, приобретенной в Тивериаде, только выехав из села. Продолжаем наш путь. Двигаемся медленно. Но к вечеру должны быть в Иерусалиме. Много арабов верхом на осликах, бегущих мелкой трусцой нам навстречу. Вот они, голоногие, и ноги их свисают почти до земли. Они почтительно уступают дорогу, приветствуя нас своим традиционным восклицанием или поклоном. Много и встречных верблюдов, идущих гуськом с их мерной гордой поступью и презрительным взглядом. Они тяжело нагружены ка-

кими-то товарами в мешках, свисающими по сторонам, и при своем движении поднимают облако желтой, вызывающей тошноту пыли.

Опять какое-то большое село. На его окраине колодец, окруженный группой громко кричащих и жестикулирующих евреев. Остаемся здесь, чтобы взять запас свежей воды. У колодца несколько пожилых женщин с сильно иссушенной от зноя кожей.

Эта почти пустынная сторона с сохранившимися до наших времен древним примитивным укладом жизни, с кочевыми и пастушескими нравами, производит в общем грустное впечатление: Палестина с библейских времен мало изменилась и находится в некоей вековой летаргии, и в этом, быть может, для нас вся ее прелесть, ее шарм.

Двигаемся дальше. Смотрю на небо. Оно уже с утра мурлыло, а теперь оно все в темных зловещих тучах. Уже 5-й час дня, а до Иерусалима еще 5—6 верст. Видны даже минареты Иерусалима. Доехать бы до дождя! Но вот ярким зигзагом молния разрезала небесную твердь, и через несколько секунд послышался отдаленный зловещий гул грома. Прошумел ветер, взметнув сухие листья и высоко поднимая дорожную пыль. По быстро поднятому верху возка забарабанили первые крупные капли дождя и резко запахло свежесмоленной землей. А через несколько минут точно разверзлось небо, и полились потоки ливня.

Под этим дождем, явлением очень редким в это время года, около 7 вечера через Дамасские ворота мы въехали в Иерусалим. По пологим и совершенно пустынным благодаря дождю улочкам быстро неслась вода. Это были целые реки. Колеса возка были до осей в воде. Через четверть часа мы у ворот гостиницы нашей Русской Православной Миссии.

Утром следующего дня нам приветливо светит солнце. От вчерашней непогоды не осталось и следа. С кавасом, предоставленным нам нашей Миссией, была составлена краткая двухдневная программа осмотра Иерусалима. До полудня мы прошли пешком к храму Гроба Господня по улицам, по которым, по преданию, Иисус Христос с терновым венком на голове и тяжелым крестом в руках шел на Голгофу, где Он был распят. Это так называемый Крестный путь. Весь путь Христа на Голгофу отмечен четырнадцатью станциями, т. е. краткими остановками Спасителя, ведомою на страшную пытку казни. Начало пути — Литостротос, а конец — Голгофа. Литостротос —

это небольшой дворик в крепости Антония, которая защищает Иерусалим. Этот дворик вымощен гранитными плитами. Слово «литос» — греческое и означает «камень», а «литостротос» означает «место, вымощенное каменными плитами».

Так вот, Литостротос — это место, где Иисус Христос был заключен после судилища, где Он провел ночь с четверга на пятницу и где стражники били Его тростниками и плевали в Его лицо. Это отсюда в пятницу Он начал Свой крестный путь, и поэтому можно почти с несомненностью утверждать, что крестный путь к Голгофе верен, к тому же он, как известно, освящен

преданиями и легендами. Помню также, что во время нашего движения по этому пути у меня ни разу не явилось сомнения в его правильности. Дело, конечно, совсем не в том, точно ли в том или ином месте Иисус Христос упал под тяжестью креста, а в том неосозанном, но вполне реальном следе, который Он Своим Учением запечатлел в памяти человечества.

Улице улицы города полны народа. Арабы, турки, евреи. Громкий разноречивый говор. Много тяжело нагруженных осликов, заставляющих прохожих сторониться. Достаточно появиться одному или двум верблюдам, чтобы остановить все движение. Много по сторонам ларьков, торгующих всякой снедью. Вот висят связки лука и чеснока. Там вяленая рыба, халва... Впереди нас большая группа паломников. У одного из них на плече тяжелый крест. Спорят. Каждому из них хочется сделать часть пути с крестом, чтобы испытать на себе страдания, подобные тем, которые испытал Иисус Христос. Вот место, где Он встретил Богоматерь, здесь сириец Симон часть пути прошел с Его крестом. Здесь Иисус Христос упал в первый раз, обливаясь кровью и потом, и св. Вероника вытерла кровь с Его чела. Подходим к этому месту. Эта 6-я станция отмечена особенно. Через зеркальное стекло на улицу видно скульптурное в человеческий рост изображение Иисуса Христа, припавшего на одно колено с крестом в руке, а в руках св. Вероники, стоящей рядом, плат с его изображением. Это место принадлежит какому-то католическому ордену. При нашем входе в это помещение раздается плач и стелание монашек, и к нам требовательно протягиваются руки с деревянными чашечками, в которых позванивают серебряные монеты, напоминающие посетителю о необходимости дать лепту в пользу ордена. Тут же продаются платки с изображением Иисуса Христа. Эта станция с ее плачем и стеланием производит тяжелое, скорей даже неприятное впечатление.

7-я станция. Это место, где находились так называемые судебные ворота древнего Иерусалима, через которые Иисус Христос вышел из города. Тут рядом с вновь построенной часовой есть часть древней колонны ворот, которые теперь находятся внутри города, и где, по преданию, Иисус Христос упал во второй раз. Тут же, с правой стороны, на табурете сидит жирный курлячок наргиле, лахучий дым которого нас окутывает. Он окидывает нас презрительным взглядом. Быть может, на этом самом месте две тысячи лет тому назад сидел человек, подобный этому, и так же безучастно и презрительно глядел на Иисуса Христа, упавшего в изнеможении под тяжелым крестом?

8-я станция отмечена черным крестом. Здесь Иисус Христос говорил с женщинами, следующими за Ним. 9-я станция — около Коптского монастыря, где Иисус Христос упал в третий раз. 10, 11, 12 и 13-я станции находятся уже в стенах обширного Храма Гроба Господня, заключающего в себе одновременно самое Голгофу, находящуюся недалеко, и пещеру, где Спаситель был

погребен. Так, 10-й станцией внутри храма отмечено место, где Спаситель был лишен Своей тканой из одной окрашенной ежевиков неперывной нитки туники, разygранной затем тут же римскими легионерами. 11-я станция — место, где Спаситель был пригвожден к лежащему еще на земле кресту. 12-я станция указывает место, где Крест со Спасителем был поднят и укреплен в скале. Это место называется местом Воздвижения Креста Господня. Места крестов двух разбойников отмечены тут же по сторонам, каждый на расстоянии двух метров от места, где был крест со Спасителем. Тут, позади, в 2—3 метрах от этого места, есть и хорошо видна трещина в скале, появившаяся в момент смерти Спасителя. Трещина эта, по преданию, якобы, доходит до центра земли.

13-я станция — место, где Богоматерь приняла на свои руки бездыханное тело Спасителя, и, наконец, последняя, 14-я станция — это пещера, уступленная Иосифом Аримафейским и в которой был погребен Спаситель. Итак, после 9-й станции около Коптского монастыря, и где Иисус Христос упал в третий раз, мы, пройдя некоторое расстояние, уже подходим к монументальному зданию Храма Гроба Господня.

Я не буду в этих кратких путевых заметках задерживаться на истории Иерусалима и Храма Гроба Господня. Кратко напомним лишь, что в 70 г. нашей эры римляне, заняв опять Иерусалим после восстания, охватившего всю Палестину, восстановили его и на месте, где находится сейчас храм Гроба Господня, был воздвигнут храм Юпитеру. Это была эпоха последних спазм древней религии поклонения богам. После 135 г., когда Иерусалим по повелению римского императора Андиана стал называться Элия Капитолина, на месте Голгофы был построен римский форум, который, в свою очередь, был совершенно снесен при византийском императоре Константине Великом и его матери Елене. Тогда же при очистке форума было открыто на некоторой глубине и место Распятия, и три креста, что оказалось возможным лишь потому, что у римлян был обычай зарывать на самом месте казни инструменты, которыми они пользовались для этой цели. Это место называется с тех пор местом обретения Креста. Но на каком из них был распят Иисус Христос? Для этого опознания, по преданию, к этим крестам по очереди было поднесено тело только что скончавшегося верующего христианина, и при прикосновении этого тела к одному из них он ожил. Таким образом, был опознан Крест, на котором действительно был распят Иисус Христос. Потому что он назван и считается Крестом животворящим.

Тогда же было приступлено и к постройке Храма Гроба Господня, который сильно пострадал от пожара в 614 г. при завоевании Палестины персами. Затем при реставрациях была принята перестройка этого обширного храма в римском стиле, заключающего в себе не только пещеру с Гробом Господним, но и Голгофу с камнем помазания (св. Никодима) и местом обре-

цери мраморная лестница ведет вниз на глубину 10—11 метров от поверхности земли, к церкви, где находится усыпальница, в которой погребены тела св. Иоакима и св. Анны, родителей Богоматери. Тут же недалеко от Вифании — небольшой домик близ дороги, где часто бывал Иисус Христос, где жили Марфа и Мария, и где был воскрешен их брат Лазарь, а шагах в двадцати и могила самого Лазаря, по соседству с небольшой мечетью. К усыпальнице Лазаря ведут двадцать ступенек, и вы попадаете в небольшую совершенно пустую комнатку, заново выбеленную. Самого гроба не видно, он замурован в стене.

После посещения этих мест поднимаемся на Масличную гору к церкви и Русскому монастырю св. Магдалины, построенному по распоряжению императора Александра III. Оттуда нам открывается грандиозный панорама всего Святого Града: видна цитадель, башня Давида, Храм Гроба Господня, Яффские ворота, Мечеть Омара и др. здания, которые мы рассматриваем в бинокль.

Хорошо видна также Елеонская гора, где, по преданию, часто бывал Спаситель, и откуда Он вознесся на небеса. Там русский храм Вознесения с высокой колокольней и русский женский монастырь, которых, к сожалению, нам, за недостатком времени, посетить не удалось.

Спускаемся к Гефсиманскому саду уже по другую сторону Масличной горы по скверной пешеходной дорожке, усыпанной мелким щебнем. Гефсиманский сад имеет форму четырехугольника длиной не больше 70—80 шагов и принадлежит французскому ордену. Он окружен невысокой стеной. Здесь отмечены места, где св. Петр и св. Иаков заснули. Отмечено и место моления о чаше и где Иисус Христос получил пощелуд Иуды. В Гефсиманском саду восемь очень древних оливковых деревьев, расколотых временем и укрепленных у основания цементом. Возраст этих деревьев, говорят, больше 2000 лет, но каждый год они до сих пор цветут, и оливковое масло, приготовленное из их маслин, ценится очень дорого. Из их косточек делаются четки.

Возвращаемся той же дорогой в город. Успеваем до обеда посетить нашего генерального консула Круглова и местный, так называемый Патриарший, базар. На базаре, где у какой-то лавочки толпится группа паломников, покупающая какие-то безделушки в память посещения св. Града, покупаем и мы две вещи, остановившие наше внимание. Первая, под названием «Тьма Египетская» — небольшой флакон, наполненный какой-то черной жидкостью, и вторая наша покупка — это небольшая коробочка с пятью белыми круглыми таблетками, представляющими собой якобы молоко Пресвятой Девы в спрессованном виде! До чего может дойти наглость продавцов, рассчитывающих, конечно, на наивность, граничащую с глупостью, простых людей-паломников.

Заход солнца. С многочисленных минаретов раздается обычный призыв муэдзинов, призы-

вающий правоверных к вечерней молитве. Этот призыв напоминает нам, что вся Святая Земля, как и весь Иерусалим, находится под властью турок.

Около 11-ти вечера выходим на ночную прогулку. Эта прогулка по совсем опустевшему городу прямо незабываема. Вы теряетесь в лабиринте темных, едва освещенных узких улочек. Скользкая мостовая и такие скользкие ступеньки! Через стены домов слышны голоса и захлебывающийся плач младенца. Издали доносятся приглушенные звуки гитары и тимпана. Чей-то затяжной кашель. Где-то что-то каплет. Над головой во многих местах арки, соединяющие через улицу дома. Эти арки, по-видимому, укрепляют стены домов и предохраняют их, таким образом, от падения. Другого объяснения не находим. В каком-то темном углу спящий на мостовой араб. Двигаемся дальше. Опять несколько опящих на улице тел. Город спит, и мы слышим лишь гул наших собственных шагов. Забудлись. И вдруг — на повороте перед нами неожиданно вырисовывается освещенный заходящей луной громадный силуэт, как бы какой-то символ Вечности. Это башня Давида. Возвращаемся к себе, наполненные впечатлениями, полученными нами от этой двухчасовой фантастической прогулки. Она еще и сейчас совсем свежа в моей памяти.

Утро второго дня нашего пребывания в Иерусалиме было посвящено белому осмотру мечети халифа Омара, этой святыни мусульманского мира, первой после Мекки. Мечеть Омара находится почти в центре города на большой, почти квадратной, площади, приподнятой метров на десять над остальной местностью, ее окружающей. На этом месте находился дворец Соломона. Сама площадь вымощена плитами белого мрамора, и в центре ее мечеть Омара. К площади ведет широкая плоская лестница. Внешняя сторона этого прекрасного здания мечети правильной восьмиугольной формы в выдержанном персидском стиле и облицована попеременно белыми и синими фаясовыми плитками с изречениями из Корана. Все здание окружено колоннами белого мрамора и увенчано громадным куполом с золотым большим полумесяцем наверху.

Внутри самой мечети большой круглый зал с 18-ю арками из цветного мрамора, и в центре его огромная полуплоская и слегка покатая скала, окруженная небольшой и невысокой решеткой из белой меди. Здесь, на этом священном для евреев камне, праотец Авраам приносил жертвоприношения, на этом камне находился алтарь царя Давида. Небольшая узкая лесенка ведет в пещеру, находящуюся внутри этой скалы. С этой пещерой связано много легенд. В ней молились царь Давид и царь Соломон, а Магомет сказал, что молитва, принесенная на этом месте, стоит тысячи других молитв, сказанных в других местах. Это из этой пещеры Магомет вознесся на небо на своем чудесном крылатом коне по имени Аль-Бурак. Это восхождение Магомета на небо носит название «Ми-

тения Креста. На внешней стене у главного входа в храм еще и сейчас видны гербы рыцарей-крестоносцев. С внешней стороны Храм Гроба Господня двухэтажный, над вторым этажом внешняя терраса, окружающая нижнюю часть купола, и над террасой громадный купол с золотым крестом в его верхней части. С террасы открывается грандиозная панорама города. Перед входом в храм небольшая площадь, заполненная нишами в лохмотьях и торговыми чеканками, крестниками и другой мелочью. У самого входа с правой стороны сидят турецкий стражник, курящий и пьющий кофе. Его обязанность — следить за порядком внутри храма и улаживать часто возникающие между христианами различных вероисповеданий недоразумения. Эта наследственная доходная должность принадлежит нескольким турецким семьям, живущим в Иерусалиме.

Входим в храм. В нем два этажа галерей. Он разделен на две главные части. Первая — так называемая Ротонда. Она окружена 18-ю колоннами, соединенными арками. В середине Ротонды небольшая часовня, которая построена над пещерой с Гробом Господним. В ней 15 высоких светильников, окружающих камень Помазания. Светильники принадлежат различным вероисповеданиям. В пещеру с Гробом Господним, находящуюся под часовней, ведут несколько узких ступенек. Сам Гроб Господень покрыт плитой белого мрамора, служащей алтарем. Эта доска расколота по всей ее длине. Место это с Гробом Господним, как сказано было выше, и есть 14-я станция — последняя станция Крестного Пути Господня. У этого места беспрестанно совершаются службы. Здесь же, у самого входа в пещеру, большой и тяжелый плоско-круглый гранитный камень, похожий на мельничный жернов, который, катясь по верхней и нижней пазу, закрывал вход в пещеру, и который был отодвинут рукою Ангела. Это тот самый тяжелый плоско-круглый камень, про который Мария Магдалина и другая Мария, мать Иакова, придя к могиле на следующий день после погребения, чтобы положить пахучие ароматы, говорили: «Кто нам откатит этот камень, чтобы открыть вход ко Гробу?» (Ев. от Марка, гл. 16, ст. 3.)

Во второй части храма Гроба Господня часовни с престолами: православным, католическим, армянским, сирийским, абиссинским и коптским. В дни св. Пасхи храм Гроба Господня наполняется молящимися всех христианских вероисповеданий и в эти дни здесь царит особенное возбуждение. В Страстной четверг совершается служба с крестным ходом вокруг часовни над пещерой с Гробом Господним и с омовением ног у самого входа в нее. Особенно торжественная служба совершается греками, имеющими в этом отношении первенство, в канун св. Пасхи. Уже с вечера Страстной Пятницы весь храм заполняется молящимися. Часовня со Святым Гробом перед получением Всесвятиго Огня осматривается, и вход в нее запечатывается после тщательной проверки, а охраняется турецкой стра-

жей. На Святое ложе ею же кладется вата, от голубого огня которой патриарх и зажигает первые свечи. В субботу, ровно в полдень, из алтаря выходит греческое духовенство, обходит кругом часовню внутри храма. Затем, перед входом в часовню с гробом турецкая стража разоблачает патриарха, т. е. снимает с него однотканую тунику и обсыкает его. Патриарх остается в одном белом хитоне на голое тело и босой и в таком виде пропущается внутрь часовни к Гробу Господню, где, подобно Христу в Гефсиманском Саду, один до вечера, в молитве за всех. В Страстную Субботу вечером греками совершаются исключительно торжественные службы с Крестным ходом вокруг часовни. У всех алтарей высшими иерархами различных вероисповеданий ве-

дутся моления. Толпа молящихся в ожидании. Наконец, после появления Священного огня, так называемого Агюс Фотос, который передается греческим Патриархом, молящимся через небольшое окно часовни, всех охватывает радостно-возбуждение, в храм и среди молящихся начинается неописуемый шум и смятение.

Вечером, около 10 часов, вдруг шум, как гром небесный: колокола еще оглушительнее, как набат. Взрыв криков, грохот, топанье ног, хлопанье в ладоши. Беспредельная радость охватывает всех, мурашки бегают по телу. Все кричат «получили, получили» на своем языке. Дым свечей, пламень. Толпа, как иступленная, радостно машет разгорающимися свечами. Крестя ими лица, опаяя руки, одежду, гасят, снова разжигают, и так — до 3 раз. Кругом море огня и дыма. Благодарить снова коснулася грешной земли. Разносится приятный запах жареного оливкового масла. Каждому хочется зажечь свою свечу первому. Этот Священный огонь, говорят, имеет свойство не обжигать человеческое тело, что многие тут же в храме и испытывают на себе самих, подставляя грудь или руки. Относительно этого огня говорят, что священники в определенный момент зажигали на внешней стороне террасы храма тонкую жестяную проволоку, обильно смазанную бальзамическим маслом, и что огонь по ней искрой быстро передается в часовню и зажигает лампаду, подвешенную над Гробом. Сомневаемся, чтобы это было возможно. Нас уверяли также, что в 1873 г. произошло чудо, и что особенно усердная молитва молящихся действительно вызвала появление Священного огня раньше времени, и лампада над Гробом зажглася сама по себе. Наполненные и волнующиеся разнородными чувствами, счастливые, что побывали в Храме Гроба Господня, самом сердце христианского мира, возвращаемся мы к себе в гостиницу Русской Православной Миссии.

После завтрака в экипаже пересекаем оживленный город, направляясь к Масляной горе со стороны ворот св. Стефана. Склоны горы покрыты не очень богатой растительностью, но есть фитовые, рожковые и абрикосовые деревья. Пройдя ворота св. Стефана, мы спускаемся к долине Кедрона, к Вифании, где находится небольшая часовня и где, по преданию, была погребена апостолами Богоматерь. Тут же от па-

рад». В верхней части этой пещеры можно видеть отпечаток головы крылатого коня, а также отпечаток руки Ангела, удержавшей камень, который хотел последовать за Магометом на небо. Тут же и плита из яшмы, покрывавшая могилу Соломона, в которую Магомет вбил 19 золотых гвоздей. Согласно мусульманской легенде, конец мира наступит тогда, когда эти гвозди выпадут сами по себе. Их было всего четыре. Тут же в пещере и оттиск ступни Магомета.

Идем к стене Великого Плача. Это одна из внешних стен, окружавших дворец и сады царя Соломона. Она длиной около 50 м и высотой около 15 м. Составлена стена из больших гранитных камней до 5 м в длину. Это сюда евреи с древних времен приходят оплакивать гибель своего царства и целуют камни стены, отполированные на высоте 1—1½ м прикосновением губ. При нашем приближении к этому месту немногочисленные пейсатые старики-евреи с седыми бородами и в длинных библейских темно-красных и синих одеяниях начали нас осыпать бранью на своем жаргоне, и в нашу сторону полетело несколько небольших камешков. От более агрессивных действий их удержало, по-видимому, присутствие сопровождавшего нас каваса. Самым интересным днем посещения этой стены, по его словам, является пятница.

Вернувшись к завтраку в гостиницу нашей Миссии, я узнал, что Патриарх Дамианос, получив уведомление о нашем приезде в Иерусалим, просит навестить его в пятом часу дня. Но до пяти часов еще далеко, и поэтому свободное время после завтрака мы использовали для посещения мест, где, по преданию, происходила Тайная Вечеря, и где была установлена Иисусом Христом Евхаристия, т. е. Таинство Причастия, или, другими словами, то традиционное преломление вина и хлеба, которое связывает всех христиан уже почти 2000 лет.

Это, собственно, и есть место той колыбели нового культа, та исходная главная начальная точка нового учения новой религии, установленной Спасителем. На этом же месте произошло чудо сошествия на Апостолов Святого Духа, празднуемого в день Святой Троицы. Место это находится недалеко от Сионской горы и, по-видимому, в те времена принадлежало одному из последователей Иисуса Христа. В настоящее время место это почему-то находится в ведении мусульман, и для его посещения надо войти в построенную над ним мечеть. Небольшой камень в северной ее части указывает место, где во время Тайной Вечери сидел Иисус Христос.

В подземной части мечети, куда вход запрещен, находится гроб первого израильского царя Давида, очень чтимый и мусульманами. Это, вероятно, и была та главная причина, которая заставила мусульман еще в 1524 году захватить это место в свои руки и построить мечеть.

В назначенное время я был у входа в Патриархию, где, встретивший кавасом, поднялся на первый этаж, в приемную Патриарха.

Это длинная и не очень широкая комната с одним большим окном, с диваном и четырьмя

креслами около него, обитыми темно-красным плюшем. Тут же небольшой круглый стол. Вдоль стен по обеим сторонам помещения на стульях с высокими спинками сидело по шести монахов-греков с длинными бородами, которым я при входе отвесил благоговейный поклон.

Затем, приняв благословение Его Блаженства Патриарха Дамианоса и заняв по его указанию место у окна, я поблагодарил Патриарха за его добрый совет посетить Назарет и Тивериаду и сделал краткий отчет об этом своем путешествии. Во время нашей беседы нам было предложено обычное на Востоке угощение, заключающееся в розовом варенье с водой, принесенном служкой, затем коньяке местного приготовления и турецком кофе.

В заключении беседы Патриарх с одобрением отнесся к нашему желанию посетить также Вифлеем, Иерихон, Иордан и Мертвое море. Ознакомившись с нашим желанием, вместе с тем он попросил меня, если нам это не помешает, захватить с собой его секретаря архимандрита Каллиста, для которого это путешествие будет некоторым отдыхом и который, к тому же, окажется нам очень полезным при посещении этих мест.

Конечно, предложение патриарха Дамианоса было принято нами с радостью. Поблагодарив патриарха за любезный прием и приняв Его благословение, я вернулся в гостиницу нашей Миссии. Не совсем понимая торжественность приема, мне оказанного, подчеркнутого еще и присутствием этих двенадцати стариков-монахов, я не мог тогда угадать его значения.

На следующий день утром, захвав предварительно в Патриархию за архимандритом Каллистом, мы в хорошем расположении духа покидаем Иерусалим через Яффские ворота, направляясь в Вифлеем, от которого нас отделяют не более 10—12 километров, и уже через час с небольшим мы на месте.

Приблизительно на середине пути к Вифлеему, около какой-то почти заброшенной арабской деревушки, нам указывают дерево, на котором якобы Иуда повесился. Это странное дерево, природу которого нам не удалось определить, простирает почему-то все свои ветви на восток.

Затем, около дороги — небольшой колодец, у которого, по преданию, волхвы впервые увидели звезду, которая их привела в Вифлеем. Потом мы проезжаем мимо двух-трех монастырей. Через час с небольшим мы в Вифлееме. Вифлеем расположен на вершинах двух небольших холмов. Жителей в нем около 10 000, и они почти все христиане. Вифлеем с древних времен сохранил свое еврейское название и означает «дом хлеба» (beit — дом, laham — хлеб). Город за время своего существования претерпел много изменений: в 320 г. при Константине Великом был построен над пещерой, где родился Иисус Христос, храм Рождества. При Юстиниане храм этот был реставрирован, и в то же приблизительно время Вифлеем покрывался рядом монастырей и церковей, а также был окружен стеной. Жители его занимаются земледелием и скотоводством, а кроме того, уже в продолжение многих столетий

заняты изготовлением крестов, четок и др. религиозных предметов из коралла и перламутра, и из какого-то пахучего камня, находящего на берегах Мертвого моря. В восточной части города находится этот столь чтимый всеми христианами храм, случайно избежавший разрушения в 1010 г. при султане Хакиме. Внешний вид храма представляется громадным, почти бесформенным сооружением с единственным низким входом в него. Внутри его полумрак, и он поражает нас своей величественной простотой. В нем по бокам среднего главного прохода, ведущего к часовне с пещерой, по два ряда высоких колонн, по десяти в каждом, с капителями в Коринфском стиле. В конце главного прохода две узкие лестницы ведут в пещеру длиной около десяти метров, в глубине которой, под алтарем, надпись: «MIE DE VIRGINE MARIA JESUS CHRISTUS NATUS EST». Здесь 15 лампад, из которых 6 греческих, 5 армянских и 4 католических. Отсюда еще три ступеньки, ведущие внутрь уже к самым яслям, окруженным плитами белого мрамора. В яслях скульптурное восковое изображение младенца Христа. Как сама часовня с алтарем, так и ясли украшены ценными золотыми тканями, многие из которых очень сомнительного вкуса. Весь храм имел вид запущенный: он был весь в пыли. Пылью и паутиной были покрыты все ткани и образа. Во всех углах храма большие, покрытые черной пылью, паутины. На наш вопрос, в чем дело, нам последовал ответ: ввиду происходивших раздоров между христианами различных вероисповеданий по вопросу о том, кому из них наводить и в какие дни и часы чистоту в храме, и ввиду того, что по этому вопросу им не удалось достигнуть согласия, турки запретили наводить порядок. Потому такой внутренний вид храма существует уже несколько лет. Допускаются христиане лишь к приведению в порядок своих лампад и к их зажиганию. Грустное зрелище.

На главной площади Вифлеема обычное оживление. Много паломников. Ларьки со снедью, как и лавки с чепками, крестами и прочей мелочью осажены покупателями. На площади несколько верблюдов и осликов. Около одной привязанной ослицы месячный ослик кормится материнским молоком, а мать от испытываемого ею удовольствия вздрагивает и поднимает торчком или опускает мохнатые уши.

Недалеке от этой площади небольшая пещера, превращенная в часовню, называемая Молочной пещерой. В этой пещере, по преданию, Богоматерь, возвращаясь с младенцем Христом и св. Иосифом к своему жилищу после пепелки, кормила грудью младенца. Одна капля ее молока упала на известковую почву пещеры и, смешавшись с ней, сообщила ей силу и способность будучи примешанной к пище, давать матерям, кормящим грудью своих детей, больше молока. Тут же продаются и целебные хлебные лепешки, посыпанные, как мелким сахаром, этой извесью.

После полдня направляем наш путь к городу Иерихону, отстоящему от Вифлеема прибли-

тельно на 50 километров. Солнце ярко освещает окружающую нас монотонную пустынную местность. Вокруг нас бесформенные груды камней, почти никакой растительности. Изредка, в стороне от дороги, видны жалкие арабские хижины. Здесь мы в пустыне, полной враждебности к человеку. Наконец, под вечер, на горизонте вырисовывается зеленая стена деревьев, и через короткое время мы у Иерихона. Кругом нас пальмы, кипарисы, апельсиновые рощи. Путь наш был настолько безотраден, что не верилось, что он изменится. Иерихон — это в полном смысле слова оазис, и каждый, кому придется проделать этот путь, поймет нашу радость быть окруженными этой чудесной свежестью и увидеть живых людей.

Остановившись в гостинице Русского дворья, где, сопровождающему нас архимандриту Каллисте, нам тотчас же отвели комнаты и предложили обильный ужин.

Иерихон — древний город. Он обязан своим видом подземным ключам и близостью к Иордану. В старину его называли городом палм. Мы залюбовались яркой листвой оазиса. Здесь растет также небольшое дерево *lamsonia inermis*, из которого готовится красная краска HENNE, употребляемая арабскими женщинами для окраски ногтей и зубов. Много колючих кустарников, достигающих роста небольших деревьев. Одно из них «*zizyphus spina Christi*», имеет вкусные маленькие плоды, которые мы отведали. Это растение имеет крепкие острые шипы. Население Иерихона пользуется ими для изгородей, окружающих сады, так как через них очень трудно проникнуть, не искалечив себя. Из этого колючего растения был изготовлен терновый венец для Христа.

Утром следующего дня мы посетили находящийся невдалеке колодец Султана. Хорошая, годная для употребления вода с температурой 26°C. Тут же и мельница, которую она приводит в движение, а в дальнейшем своем течении она орошает уже и сады Иерихона. На этом холме возвышался древний Иерихон. Недавними раскопками обнаружены две его стены, покоящиеся на крупных монолитах гранита. В нескольких километрах от Иерихона видна сорокадневная гора, или гора Искусшения, на которой Иисус Христос провел сорок дней. На ее вершине греческий монастырь. Доступ к нему затруднителен. В ней много пещер, в которых жили и живут сейчас анахореты, которых прельщает уединение.

После посещения колодца Султана направляемся к Иордану, к тому месту, где, по преданию, жил в пещере Иоанн Креститель и над которой императрицей Еленой была построена церковь. От нее сохранились лишь развалины. Подходим к Иордану, где, по преданию, Иоанном Крестителем был совершен обряд Крещения над Иисусом Христом. Народу же, в ожидании помышлявшем в сердцах своих об Иоанне, не Христос ли он, Иоанн отвечал: «Я крещу вас водой, но идет Сильнейший меня, у Которого я недостойн развязать ремень обуви; Он будет

крестить вас Духом Святым и огнем» (Ев. от Луки, гл. 3, ст. 16). Здесь открылась первая страница Нового Завета и перевернута последняя страница Ветхого.

Река Иордан очень быстрая, она берет начало в Тивериадском озере, уровень которого почти на 400 м выше уровня Мертвого моря. Ширина реки около 30 м. Весной во время разливов, конечно, шире. Берега Иордана покрыты богатой субтропической растительностью. В Библии говорится о Палестине как о стране, где течет молоко и мед. И в действительности для обитателей пустынной части Палестины берега Иордана представлялись, вероятно, именно такими. В Иордане много рыбы, а ее берега покрыты густыми зарослями на 2—3 км по обе стороны от самой реки и обильно населены птичьим царством и животными разного рода. В зарослях водятся даже кабаны, которых, кстати сказать, не едят ни мусульмане, ни местные арабы, принявшие христианство. Затем водятся также дикий баран, газель, и много всякой мелкой дичи. Много и змей. Есть и дикая пчела, которая устраивает себе ульи в расщелинах скал.

Каждый год в дни св. Крещения и св. Пасхи большие толпы паломников направляются из Иерусалима к Иордану, где располагаются большие лагеря, и который, ярко освещенный ночью факелами, представляет собой редкое интересное зрелище. Перед самым восходом солнца, после обряда осыпания воды, паломники, мужчины, женщины и дети в белых до пят рубахах при пении псалмов погружаются в воду. Но надо быть начеку. Течение настолько быстрое, что не всякий даже хороший пловец переплывает Иордан, несмотря на небольшую его ширину. Многие паломники уносят с собой воду Иордана, считая, что она обладает целебными качествами. Белые же рубахи, смоченные водой Иордана, многие сохраняют до смерти, чтобы быть в них погребенными.

Двигаемся к Мертвому морю, к морю соли, по Библии, или еще, как его называл Магомет в Коране, море Лота. Римляне же его называли Асфальтовым морем. По мнению геологов, Мертвое море является частью гигантской трещины земной коры, начало которой под Дамаском у Хермона. Затем Тивериадское озеро, долина реки Иордана, Мертвое, а затем Красное море, Танганьика и озеро Ньяса в Африке на 15° южной широты. Уровень Мертвого моря почти на 400 м ниже уровня Средиземного моря. Длина его около 76 км, а наибольшая ширина — 15 км, т. е. несколькими км (4 км) оно длиннее Женевского озера. Наибольшая глубина — 400 м. Южная его часть мелкая, глубина не превышает 4 м. Это море окружено крутыми горами, доходящими иногда до самой воды. Соленость его, благодаря обильному испарению, очень велика, а благодаря же присутствию в ней хлористого кальция в большом количестве, вода масляная, скользкая и имеет противный и горький вкус.

Яйцо в этом море плавает на его поверхности, погруженное лишь наполовину в воду. Я проделал опыт с яйцом, но, чтобы достигнуть плава-

ния яйца с непогруженной его частью на поверхности воды, мне пришлось на литр воды насыпать 10 полных столовых ложек поваренной соли. В пресной же воде сырое яйцо ложится на дно. Купаться и плавать в этой воде почти невозможно. Ноги человека все время выносятся на ее поверхность, и к тому же еще надо следить, чтобы эта вода не попала в глаза, уши и рот. Вопреки существующему мнению, что в Мертвом море нет никакой органической жизни, профессор Луи Ларте, принимавший в 1876 г. участие в научной экспедиции Дюка де Люна в своем труде «Voyage d'exploration la Mer Morte», том III (Геология) говорит, что в Мертвом море существует органическая жизнь, хотя и очень бедная. Он нашел в нем, между прочим, небольшую живородящую рыбку. Названия ее я не удержал в памяти.

При самом впадении Иордана в море, в ее устье несколько небольших рыбачьих хижин. По утрам рыбаки на своих плоскодонках выезжают на ловлю рыб, вынесенных быстрым течением реки в море. Эта дохлая рыба, плавающая на поверхности воды вверх брюшком, в пищу все-таки годится. На поверхности моря много плавающего асфальта, которым пользовались и древние. Во времена Иисуса Христа, а также во времена Римского владычества, как и в середине века на Мертвом море существовала даже какая-то навигация на плоскодонных лодках. Мы бывали в гостях у рыбаков, живущих при впадении реки в Мертвое море, отдавали у них какую-то рыбную похлебку, а затем не могли себе отказать в удовольствии выпукаться в этом единственном на земном шаре исключительном море.

В 20 м езды по западному берегу моря на юг нам указали на самом берегу столб каменной соли в 4—5 м высоты голубоватого цвета, который по легенде представляет собой жену Лота, обращенную в соляной столб, но по внешнему виду даже при большой фантазии трудно найти в этом столбе какие-либо признаки человеческой фигуры. Растительность у самого берега моря очень бедная и состоит исключительно из небольшого растения, называемого акридами. Это растение покрыто налетом горьковатой соли и имеет небольшие плоды, величиной с ягоду терновника, и состоит из твердой косточки с тонкой пленкой и без всякой мясистой части. По легенде Иоанн Креститель питался медом и акридами, причем акриды, якобы, представляли собой насекомое, нечто вроде кузнечика. Какая-то

странная невязка. Иоанн Креститель жил на берегу реки, окруженной богатой растительностью, где в его распоряжении всегда были в достаточном количестве плоды деревьев, а также, конечно, и рыба реки. А, во-вторых, акрида — это растение, а не насекомое. Иоанн Креститель, арестованный Иродом, этой лисией, как его называл Спаситель, закончил свои дни в цитадели. Из истории все мы знаем о том трагическом эпизоде, когда по дикому обещанию, данному Саломеей своему дяде, царю Ироду, она в конце оргии, танцуя, подает ему на серебряном блюде голову Иоанна Крестителя. Покидая не-

гостеприимные берега Мертвого моря, мы медленно двигаемся обратно в сторону Иерусалима. Дорога с подъемом. Часа через два видим у дороги груды камней — это могила Моисея, место паломничества мусульман. Ежегодно в Страстную пятницу толпы мусульман с дровишками — фанатиками во главе движутся к этому месту из Иерусалима и устраивают здесь моления. Отсюда с горы чудный вид на долину Иордана и Мертвое море.

Через час, под вечер, мы в Греческом монастыре св. Саввы, где проводим скверную ночь. Много клопов. Жалеем, что у нас не было с собой палатки, чтобы ее раскинуть внизу, у дороги. Покормили нас греки тоже неважно. Но место, где расположен монастырь, чудесно. Весь он окружен благоухающими садами и террасами. В одном из садов показали нам редкую разновидность финикового дерева, посаженного св. Саввой, на котором растут финики без косточек. Сам же монастырь, как и его церковь, не представляет особого интереса. В церкви зато есть могила одного из крупнейших греческих богословов св. Иоанна Дамаскина. Рядом с монастырем и пещера, где св. Иоанн Дамаскин жил мирно со львом, разделяя с ним свою трапезу. Ведь в древности в зарослях реки Иордан водились также и львы. Поздно вечером мы поднялись и на верхнюю террасу монастыря, с которой открылась нам волшебная прелесть освещенного лунной ландшафта окружающей нас казалось бы мертвой пустыни. А на рассвете мы покидаем монастырь, спускаясь в долину Кедрона. Через некоторое время, миная Оливковую гору, проехав Яффские ворота, мы оказываемся в полдень у ворот гостиницы нашего подворья, где, наконец, мы сможем как следует отдохнуть и подкрепиться. Ведь это наш последний день в Иерусалиме, так как завтра ранним утром нам предстоит путь по железной дороге в Яффу. Оттуда на пароходе в полдень двинемся в Египет, в Александрию.

После вкусного завтрака и краткого отдыха решаем все же воспользоваться свободным временем и побывать в Хевроне, у Мамврийского дуба, памятью о котором мы дорожим с детских лет. Это нам удалось благодаря случайно предоставленному нам автомобилю. Едем на юго-восток. От Иерусалима всего 3 км, но дорога все время с подъемом. Проезжаем ряд небольших арабских селений, какие-то развалины. Все эти места имеют свою историю, но мы не задерживаемся, несмотря на советы нашего гида. Ведь это наш последний день.

Приближаемся к Хеврону. Он находится в глубине долины. Это цветущий город. Много родниковых ключей. А на склонах — виноградники, много миндальных и абрикосовых деревьев. Жителей, вероятно, не меньше, чем 20 000. Много мечетей. Направляемся к русской церкви и нашему подворью, в саду которого и находится Мамврийский дуб, возле которого, по Библии, произошла знаменательная встреча праотца Авраама с тремя странниками.

Осмотрев храм и окит подворья, идем в сад,

к престарелому Мамврийскому дубу. Этот в прошлом, вероятно, редкой красоты дуб имеет у своего основания около двенадцати метров в окружности. Возраст его, конечно, очень велик и трудно определить. Можно сказать о нем, что этот дуб — патриарх тысячелетий... И в саду, у подножья маститого старца веков, на третий день св. Троицы совершается богослужение.

У меня возникает вопрос. Чем объяснить отсутствие в Палестине дубов даже среднего размера? Я проехал немало. В дороге во многих местах нам попадались, главным образом, роши с мелким низкорослым дубячком. По словам нашего гида, козы поедают почки, и если кое-где и сохранились большие дубы, то это лишь те, с которыми связаны те или иные события Ветхого или Нового завета, благодаря чему, как и этому Мамврийскому, они были окружены особым вниманием и уходом.

Той же дорогой возвращаемся в Иерусалим. Вечером после обеда готовимся к отъезду. Укладываем чемоданы и денежные расчеты с гостиницей Русской миссии. Поезд на Яффу пойдет в 8 ч 40 мин утра.

На следующий день во время утреннего кофе неожиданно появляется наш милый спутник по поездке к Мертвому морю архимандрит Каллист. У него какой-то странный, серьезно-улыбающийся вид. Допиваем кофе. Наконец, он встает, произносит короткую речь, из своего портфеля вынимает большой конверт и небольшого кипарисовую шкатулку. От имени Его Блаженства патриарха Даманоса торжественно передает мне Грамоту и Золотой крест Живоворящего Гроба Господня. В этой святыне, в небольшой полости внутри креста, залитой воском, сокрыта частичка древа от подлинного Креста Господня, на котором был распят Спаситель. Сам же золотой крест на алой, цвета крови, ленте носится на груди. А сам носитель этой награды отныне именуется Рыцарем Святого Гроба Господня.

Горячо благодарим за высокую награду и внимание. Прошу передать нашу огромную признательность Его Блаженству патриарху Даманосу. Каллист желает нам счастливого пути, и мы расстаемся.

И вот мы уже в вагоне, поезд медленно трогается. В вагоне с нами едет в Яффу грек, хорошо владеющий французским языком. Первая краткая остановка у вокзала Битник. Видны развалины старой крепости. Через час опять остановка на станции Дейр-Аван. В окрестностях ее находится пещера Самсона, приключению которого происходили в этих местах. Еще через полчаса новая остановка в Эр-Рамле. В окна видна прекрасно сохранившаяся большая мечеть с высоким минаретом. Здесь французский монастырь XII века, построенный на месте дома, принадлежавшего св. Иосифу Аримафейскому. В монастыре этом, якобы, останавливался Наполеон I. И, наконец, еще последняя остановка: городок Лидда с греческим монастырем св. Георгия. Приближаемся, наконец, к Яффе. Знаменитые апельсиновые роши Яффы справа и слева. Этот большой город и порт с 500 000 жителей ведет боль-

шую экспортную и импортную торговлю. В древности это была страна филимистян. По мифологии, в этих местах Андромеда, дочь Сефея и Кассиопей, отданная в жертву морскому чудовищу, прикованная к утесу, была спасена Персеем. Не в этих ли местах пророк Иона была проглочена китом? Говорят, что здесь еще в средние века показывали цепи Андромеды и скелет громадного кита, проглотившего Иону.

Во времена царя Соломона город Яффа, или, по-гречески, Ионне, был приморским портом Иерусалима.

Пароход снимается в 6 вечера. Времени немного, но достаточно, чтобы после завтрака сделать краткий обзор города. Побывали сначала в старой части города, построенного на самом берегу моря, на невысоком утесе. Узкие и грязные улочки. Новые части города производят лучшее впечатление, больше порядка. После базара задержались в городском саду, где башня с ча-

сами. Башня окружена арабскими кофейнями. Именно у этой башни берут начало четыре дороги по четырем разным направлениям. Одна ведет в порт, вторая в Иерусалим, третья дорога на Газу, на юг. А четвертая дорога, дорога на Набулус, ведет на север.

Жаль, что не пришлось посетить долину реки Сарон, прибрежные места которой еще в древности славилась богатой растительностью. Не успели побывать в апельсиновой роще, где, к сожалению, несмотря на уже совершенно спелые апельсины, нам не удалось ими полакомиться: сорванные апельсины оказались горячими и, как таковые, конечно, были непригодны для еды.

Затем, посетив нашего вице-консула Разумовского и отправив благодарственную телеграмму патриарху Дамианосу и архимандриту Каллисту, мы покинули Палестину, где с пользой провели в библейской эпохе две недели.

G. M. Dobrolubov

TRAVEL NOTES

(Through the Holy places of Palestine)

The author of the itinerary, the captain of a frigate of Russian Imperial Navy, G. M. Dobrolubov, while being on leave in 1913 went to Palestine for two weeks to visit the Holy places. The high spiritual potential of G. M. Dobrolubov together with his knowledge of the biblical history let him not only to inspect about 150 old relics and monuments but also to depict vividly their peculiarity, as well as to paint lively pictures of Palestinian everyday life.

Handwritten signature at the top of the page.

Αριθμ. 1379

Handwritten signature on the left side of the page.

Ἡ Μετριότης Ἡμῶν διὰ τοῦδε τοῦ Πατριάρχου Ἡμῶν Γράμμα-
τος ποιήσεται δῆλον, ὅτι τὴν ἐσέβην καὶ τὰς ἀρετὰς τιμῶντες καὶ τὸν ὄπλο
τῆς Ἀγιοπάτης τῶν Ἑλλήνων Μητρὸς τῆλον καὶ στοργὴν ἀμφέροντες τοῦ
ἀγαπητοῦ Ἡμῶν καὶ περισπουδάστον ἐν πνεύματι υἱοῦ Ὑψηλο-εὐγενε-
σιῶτου ΚΟΡΣΩ ΓΕΩΡΓΙΟΥ ΜΙΧΑΗΛ ΔΟΡΒΡΟΛΙΟΥΜΠΟΥ, ΠΛΟΙΔΡΧΟΥ
ΤΟΥ ΡΩΣΙΚΟΥ Αὐτοκράτορος ΝΙΚΟΛΑΪΟΥ.

Ἐδοξαίμεθα ἀπὸ τῆς γνήσιας τοῦ Τιμίου Ἐὐλοῦ τοῦ Ζωοποιῦ Σταυροῦ,
ἐφ' ὃ τὰς κυλίμας ἀπλώσας ὁ Ἁγιοπῆς τοῦ κόσμου Χριστοῦ ὁ Κύριος τὴν
σωτηρίαν ἡμῶν ἐθαυματούργησεν, ἐντεθησαυρισμένον ἐν Χριστῷ Σταυρῷ, ὄν.
καθ' Ἡμετέραν ἐπελοχίαν, δικαιοῦται φέρειν ἐπὶ τῷ στήθει ἀνηρημένον, ὡς

Ἰκπότης τοῦ Παναγίου Τάφου.

εἰς ἀγιασμὸν αὐτοῦ καὶ ἀντίληψιν καὶ ἐνάγκην παρὰ Θεοῦ.

Εἰς οὖν τοῦτον ἐνδειξὴν καὶ παράστασιν ἀποπέμπεται τὰς ἐπιτό-
μοσφον καὶ ἐναφάρδιστον Πατριάρχικὸν Ἡμῶν Ἐπιβραβευτήριον Γράμμα.

Ἐν τῇ Ἁγίᾳ Πόλει Ἱεροσολίμῃ, ὁ 7^{ος} μηνὸς Νοεμβρίου 1897.

Handwritten signature and text at the bottom right, including the word 'ἀσφαλίσεως'.

Переводъ съ греческаго.

№ 1379.....

Наша Мѣрность, сею Патріаршею Нашею Грамотою объявляемъ, что Мы, оцѣнивая благочестіе и добродѣтели и вознаграждая за ревность и любовь къ Святѣйшей Матери Церквей Нашего возлюбленнаго и пребожделтнаго о Господѣ сына *Его Высочайшескордія. Императора. Михайловича Николаевича, Императора Франца Рого. Императора Александра Великаго* даровали ему подлинную частицу Честнаго Древа Животворящаго Креста, на которомъ распростеръ длани Богочеловѣкъ Избавитель Мира Христосъ Господь совершилъ наше спасеніе, хранимую въ золотомъ крестѣ, который онъ съ Нашего благословенія имѣеть право носить на груди.

Какъ Кавалеръ Св. Гроба Господня,

бо освященіе его, заступленіе и укрѣпленіе отъ Бога.

Въ доказательство сего и утвержденіе дается сія пожалованная Патріаршая Грамота за Нашею подписью и съ приложеніемъ печати.

Въ Св. Градѣ Іерусалимѣ 1913 г. *Ноября 26*^{го} дня.